

Александр Михайлов,
народный артист РСФСР

СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ... СЕРГЕЙ... СЕРЁГА...

Я сейчас думаю о нашем положении, о положении России в мире, о моём ощущении времени.

Недавно просматривал у себя дома книги политиков: одного, другого... Я знаком с некоторыми на сегодняшний день. И подумал тогда: мне не очень хочется говорить с политиками. Нет среди них такого, с которым я бы посидел, через паузы, через взгляды, как это бывает в разговоре, – доверил самого себя. Хотя, может быть, я этому человеку и не нужен. Смотрю на обложки книг и не чувствую человека за ними. И вдруг мне захотелось просто вот так переговорить и получить совет, что-то своё высказать, чтобы меня обязательно услышали, потому что очень важно в наше время слушать и слышать. Давно я такого не помню, чтобы я мог довериться кому-то свой монолог и свою судьбу.

И тут вдруг получаю рукопись Сергея... Сергея Михайловича.

С Сергеем меня объединяет, может быть, небольшое по сроку время, но очень насыщенное, мы с ним дружим. На Байкале вместе были, помню наши беседы в Забайкалье, потом во время перелёта в Сибирь на мою родину, были в Улан-Удэ, много где были. Потом разошлись на какое-то время, политика – дело непростое. В политику очень много бессовестных людей лезет, умудряются пробиться. А вот Сергей Михайлович... В нём есть удивительная вещь. Я какое-то время его не видел, сейчас он стал быстрый и говорить стал быстро, скороговоркой. И всё же он очень трепетный человек и тонко чувствует Серёга время. Из всех руководителей фракций в Государственной Думе и партий он единственный, кто может сказать то, что близко твоей душе, твоему сердцу. Чувствуешь, что он действительно переживает и за мою родину – Забайкалье, и за нашу Родину – Россию. Он искренен. Вот это мне очень важно.

И в своей книге «Серёга» (М.: БИНОМ. Лаборатория знаний) он честен. «Серёга» – это своеобразная исповедь, не похожая ни на одну книгу из тех, которые пишут политики, пополняя библиотеки мемуарной литературы. Эта книга создана в традиции русской классической исповедальной литературы. Здесь вспоминаются и Герцен, первый после Руссо беспощадно рассказавший свою жизнь в книге «Былое и думы», и Горький – «Мои университеты», и исповедальная проза Толстого, и наши советские писатели – Бондарев, Распутин.

Жить честно и писать честно не каждому дано, это огромный труд, прежде всего над собой, но это – единственное условие, при котором слово обретает небывалую силу.

Предположим, был юбилей великого русского писателя Василия Ивановича Белова, а Василий Иванович уже не очень здоров был тогда. Кто был на юбилее? Кто пришёл сам из политиков? Он был, Сергей Михайлович. Миронов пришёл. Я обратил на это внимание. Всё происходило в храме Христа Спасителя. Белов взял за руку Миронова и говорит... (А тогда ещё Крым не был наш, это был 2008 год.) Он говорит:

– Сергей Михайлович, Крым наш должен быть! Вернуть надо Крым, он ведь наш – Крым! Его нельзя отдавать!

Меня тогда поразило, что Миронов сказал:

– Всё будет. Всё будет обязательно, Василий Иванович. Мы сделаем, мы вернём Крым.

И в 2014-м именно он прибыл в Севастополь поддержать черноморцев, когда ещё судьба Крыма была неизвестна, а потом – в Симферополь. Наверное, он помнил своё обещание, данное в храме Христа Спасителя.

И произошло! Какими там путями, как это было потом – мы все видели, но вот эти его слова я никогда не забуду, для меня его обещание было принципиально важно. Два человека стояли рядом – два русских человека, и один просто дал слово другому.

Я не знаю, как так получилось, что мы с ним на какое-то время расстались. В жизни много суеты, его окружает огромное количество людей, а я старался всегда не очень вылезать, стеснялся звонить, надоедать своими какими-то проблемами, но на всякий свой звонок, редкий звонок, я всегда получал ответ. Хотелось бы сейчас с ним посидеть в очередной раз, выпить по 50 грамм коньяку. Но, я думаю, посидим, ещё не вечер, пути Господни неисповедимы.

Что для меня принципиально важно в его книге? Сначала я думал: «Ну, почитаю через страницу, пропущу главу, другую». А потом читаю, читаю и вдруг понял, что мне не хочется пропускать рассказы и даже фрагменты. И я по новой начинал перечитывать и с увлечением от корки до корки прочитал всё. Я Сергею высказал своё мнение. Есть в некоторых его рассказах темпо-рифмовые «карманчики», ведь по писательским законам повествование должно идти по нарастающей, насколько я знаю, а он иногда увлекается, отступает от писательских законов.

И вдруг – такие рассказы, как «Боря-футболист», – это потрясающе. Сначала человек, прошедший многое в жизни, простой бомж, подрабатывающий у геологов, идёт с этой авоськой, в которой бутылки. А потом ловит подкатившийся к ногам мяч, и мы видим – талант высочайшего уровня, загубленный собственными руками и жизнью. И этот монолог о любви в конце рассказа. Написано кратко, сжато, сильно. А «Дед Силкин»! Совсем короткий рассказ о бывшем интеллигенте, который – ну, ненавидел Карла Маркса. «Героиня» – рассказ о подвиге женщины, просто мастерски написан. Не всё ровно с писательской точки зрения, но я с увлечением прочёл всю книгу, и многие рассказы врезались в память. У него талант – художественно, образно переложить на лист бумаги и чувства, и мгновения жизни. Это дорогого стоит, это целые сценарные работы на самом деле. Я хочу пожелать ему быть писательски смелее и не бояться каких-то купюр, потому что время идёт, многое меняется и то, что пережито, становится историей.

Монгольский десятилетний период – очень интересный. И возраст автора интересный тоже. Я ему говорю: «Сергей, ты симпатичный мужик, нормальный, но почему-то о своей первой любви в детские годы написал блестящий рассказ, а вот монгольский период... в расцвете же мужик, но вот как-то особой любви, рассказа о любви, там нет». И он сказал: «Да, ты прав, прав».

Рассказ «Ирина» читаешь, и кажется, что сейчас будет продолжение, но продолжения нет. А женщина в рассказе удивительно тонко нарисована – больше было бы таких людей, предвидящих, чувствующих. Сейчас всё такое заасфальтированное, кажется, что ростков живого, природного в нас всё меньше и меньше.

Самое главное, что я люблю в человеке и в нём, в Сергее: ставит цель, задачу и достигает её. Сказал – сделал. Я сам

из этой породы. Через жертвы, через испытания, но цели достигает.

Возьмите рассказ «Поездка в Сибирь» о том, как ещё совсем мальчиком сбежал в Сибирь – самоутвердить себя, мужское начало в нём выиграло мощно, – это потом скажется в десантуре, в армейской жизни. Скитался без копейки денег, голодал, а подачку не взял и не сдался. Он из этой породы – человек, за которым хочется идти.

Прекрасные рассказы о детстве: «Золотая лихорадка», «Любовь к живописи», сколько смеха в рассказе «English». Английский не выучил! Да это и не главное. У нас ведь как? В пушкинское время Россия, русская интеллигенция была очарована французами, французской культурой, французским языком – и пришёл Наполеон, началась Отечественная война 1812 года, француз сжёг Москву. После революции все начали увлекаться немецким языком – грянул 1941 год, кончилось тем, что мы потеряли миллионы людей. А сейчас мы все повально увлекаемся английским языком, просто не можем без английского языка – и всё. Свой не помним, зато английским языком хорошо владеем. Ну, не знаю, может, придётся дойти до Лондона, а может, и до Нью-Йорка.

А у Сергея в книге русский язык хорош.

В рассказе «Как пилили снаряд» – дети добывают порох из снаряда, оставшегося после войны. Сколько там напряжения, динамики, на одном дыхании читаешь. Очень много общего у нас с Серёгой. Это моё детство, это наше время. Хотя я его постарше, но всё же это наше общее детство.

И, наконец, блистательная «Первая любовь» – потрясающая проза, близкая к поэзии. Ощущение любви в рассказе совершенно парадоксальное. Быть в таком ослеплённом ощущении любви, столько лет беспрекословно, верно любить и видеть в ней идеал – это осталось у него на всю жизнь. Вот чего сейчас не хватает нашему кино и в целом искусству – красоты мысли и чувств. И как сломалось всё, сломалось из-за одного момента, поступка этой девочки. Есть вещи и законы, которые неподвластны нашему сознанию, это значит – судьба. То, что произошло, должно было произойти.

Ведь в униженном состоянии жить невозможно, любовь – она должна быть всё-таки взаимной. Есть очень хорошее выражение, Сергея оно больше всего касается: можно соблазнить мужчину, у которого есть жена, но нельзя соблазнить

мужчину, у которого есть любимая. Он очень трепетный человек, хотя у него был не один и не два брака, и если он напишет об этой стороне своей жизни, то это будет только плюс, не надо ничего бояться, живём один раз, и надо открывать карты.

А с каким юмором он написал об армии. Тот же «Командирский голос» – раз и поднимается над бытовой армейской ситуацией.

Раздел политики мне трудно судить. Он тут действительно своей волей доказывал правоту, это и законотворчество, которое требует серьёзных знаний, и отстаивание правды, которое требует большого мужества, – это всё в его характере. И тут я только могу поклониться и сказать: «Дай Бог, Серёга, не изменяй своей совести, вот совесть – это главное... либо она есть, либо нет. Это великий Божий дар, и её очень мало сейчас в политике, у тебя – есть».

Это же надо взрослому человеку увидеть, как дети собирают свои копейки, денег у них – на два мороженных, а надо купить три – их же трое. И просто подойти, дать им без всякого ожидания слов благодарности немного денег, чтоб хватило на третью порцию, и – достаточно просто взгляда ребёнка. Это так здорово! Он сохранил детскость, а человек, если сохранил детство в сердце, значит, он живёт, не черствеет.

Как он потрясающе чувствует людей, и это всё есть в книге.

Вот описание встречи с Ким Чен Иром: он выходит на доверительную атмосферу, они разговаривают, а потом вдруг автор отстраняется и говорит: не приведи Господи вот этой беды – «обожествление власти и подобное самоуничтожение, которое демонстрировали верные солдаты „Великого Корейского Полководца“».

Сергей – человек надёжный, в нём есть осторожность, он огульно не бросается словами, чувствуя ответственность не только за себя. На экране, когда он в эфире, не всё видно, совсем мало показывают его как человека. Но я всегда вижу, что ему не стыдно смотреть людям в глаза.

С ним всегда интересно говорить. Эта книга, что я держу в руках, – спокойный диалог с другом. Спокойный, искренний разговор, в то время когда отовсюду льётся пошлость, попса... Есть стихотворение Валентина Гафта, посвящено оно Юрию Визбору, точнее, его песне «Солнышко лесное» – помните?

*Попса дробит шрапнелью наши души,
Её за это не привлечь к суду.
Часть поколений выросло на чуши,
И новое рождается в бреду.
О, Солнышко лесное, чудо песня...*

А ещё навеяло:

*Если я заболею, к врачам обращаться не стану,
Обращусь я к друзьям (не сочтите, что это в бреду):
Постелите мне степь, занавесьте мне окна туманом,
В изголовье поставьте упавшую с неба звезду.*

Музыка Визбора, стихи Смелякова. Так вот, книга Миронова – в рифму музыке Визбора, в русле разговора со Смеляковым, потому что за каждым словом чувствуется голос друга, надёжного, настоящего.

Я хочу, чтобы больше говорили о наших корнях. Вот Серёга не видел мою землянку в Цугольском дацане, в монашеской келье: три с половиной на два с половиной метра. Келья в ту пору уже пустовала, вросшая в землю, там печурку поставили, в ней я и родился. Я каждый год туда приезжаю к себе.

Мне бы хотелось, чтоб он больше о своих корнях рассказывал, не о встречах в политике, потому что политики приходят и уходят, а о его деде, которого расстреляли, о семье. А его корни очень глубокие, интересные корни.

Это корни, которые позволяют нам не бояться открытого боя.

Если мы вернём нашу культуру, восстановим Россию, не будем рваться куда-то, а просто будем любить Родину, не делать в ней по крайней мере революций, станем каждый жить по правилам: на дорогах ездить по правилам, взятки не давать, работать на совесть, знать свою историю, уважать стариков, – и сам не заметишь, как окажешься в самой просвещённой и справедливой стране под названием Россия.

Об этом книга Миронова, Серёги. И о его счастье.

Мне кажется, он особенно был счастлив в Монголии, в этот период своей жизни. В армии он служил, выполнял свой долг, сделал многое. Вот рассказ «Первый прыжок» – и сразу характер его виден: «А хочешь ещё сегодня прыгнуть?» – «Конечно». – «Давай, бегом!» И побежал!

А то, что в монгольской многолетней экспедиции он был очень счастлив – это совершенно точно. Вспоминается фильм Никиты Михалкова «Урга – территория любви», потрясающий фильм, там пронзительная музыка, как звенящая степь. Это один из моих любимых фильмов. Если Сергей Михайлович не смотрел, пусть посмотрит, потому что это точно его тема.

Сергей Миронов:

– Как здорово ты угадал. «Урга – территория любви» – это и мой любимый фильм, Саша...

Почему он пошёл в политику... Он человек чуткий, много переживает, и тогда, в девяностые, он болел за родину, за Россию, потому и пошёл в политику. Других мотивов не знаю. Я тоже пробовал найти себя в политике, но мне не дали.

Говорю о Миронове, а в душе спрашиваю себя: «Где я сам был счастлив?» Он – в пустыне, в своей экспедиции, когда больше 15 лет добывал уран для страны, рискуя здоровьем. А я был счастлив в море. С четвёртого класса я два раза сбежал в Нахимовское училище. Потом уехал во Владивосток. В мореходку я не поступил, после ремеслухи сбежал на корабль и ушёл в моря, матросом-мотористом был. И был счастлив! Серёга это понимает, потому что знает сам, что такое счастье.

г. Москва